

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРЕДАНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ В. Г. КОРОЛЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ «У КАЗАКОВ»)

С. С. Фолимонов

Ключевые слова: нарратив, В. Г. Короленко, этнопсихология, коммуникативное поведение, фольклоризм, казаки.

Keywords: narrative, V. G. Korolenko, ethnoppsychology, communicative behavior, folklorism, cossacks.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–04

Обращение В. Г. Короленко к народной культуре как к источнику сведений о бытовой и духовной жизни, менталитете и этнопсихологии многонационального народа России носило целенаправленный и планомерный характер. Интерес к фольклорно-этнографическому наследию возник у писателя на почве увлечения идеями народничества еще на этапе подготовки к хождению в народ, а впоследствии, в ссылках и путешествиях по стране, постепенно превратился в неотъемлемую часть общественно-политической и творческой деятельности. Фольклорная составляющая стала основополагающим элементом поэтики короленковской прозы, повлияла на формирование идиостиля.

Несмотря на плодотворную работу короленковедов, направленную на выявление фольклорно-литературных взаимодействий в художественно-публицистическом наследии прозаика, остается немало аспектов, требующих филологического истолкования. По установившейся в короленковедении традиции творчество писателя рассматривается не столько в разрезе хронологическом, сколько в региональном. Такая структуризация продуктивна как с точки зрения литературного краеведения, так и с позиции изучения фольклоризма, поскольку каждый из региональных периодов позволил В. Г. Короленко ввести в культурный оборот уникальные фольклорные тексты. В противном случае многие из них были бы утрачены.

В свете этого особого внимания заслуживает «уральский период», связанный с поездкой В. Г. Короленко в 1900 г. в область Уральского казачьего войска. Ее целью стало завершение многолетней подготовительной работы к написанию исторического романа о Е. И. Пугачеве, получившего в черновых набросках название «Набеглый царь». Выработанная творческой практикой методика сбора и обработки «жизненного ма-

териала» подразумевала аккумуляцию информации из всех доступных источников, включая документы (выписки из Уральского войскового архива), сочинения авторитетных краеведов и любителей старины, казачий и общерусский фольклор, освещающий события Крестьянской войны 1773–1775 гг., устные рассказы уральцев о прошлом и настоящем Приуральского края. В том числе были записаны образцы устной казачьей поэзии и прозы. Часть из них фиксировалась непосредственно в процессе общения с носителями устной культурной традиции и потому имеет особую научную ценность. Отдельные произведения заимствованы из местной литературы, сохранившей угасшие на момент приезда В. Г. Короленко в Уральск темы, мотивы и сюжеты. Значительная часть из записанного вошла в цикл путевых очерков «У казаков», увидевший свет в 1901 г. в журнале «Русское богатство» [Фолимонов, 2005].

Как известно по дневниковым записям и письмам, В. Г. Короленко не планировал писать отчет о поездке на Урал. Своим появлением очерки обязаны в первую очередь той непростой творческой ситуации, что сложилась у автора на подступах к освоению большой исторической темы. Именно поэтому, отдаваясь свежим воспоминаниям об увиденном, писатель, тем не менее, решает в художественном пространстве очерков задачи, далеко выходящие за рамки банального описания путевых впечатлений. Одной из таких задач следует считать сопоставление исторических сведений и современного состояния социально-психологической жизни общины, позволявшее точнее реконструировать детали отдаленных во времени событий, механизмы регулярно повторяющихся исторических процессов. Будучи хранителями народной памяти, предания способствовали реализации авторских интенций, превращая очерковый цикл в своего рода пролог к роману.

Методологические основы анализа устной несказочной прозы заложены в работах классиков отечественной фольклористики [Азбелев, 1965; Соколова, 1968; Лазарев, 1970; Кругляшова, 1974; Морохин, 1977]. Однако определение жанра исторического предания до сих пор носит дискуссионный характер и в частных исследованиях нередко используется в форме рефлексива, поэтому представляется необходимым перечислить основные отличительные черты, позволяющие квалифицировать отобранные для анализа текстовые фрагменты в качестве произведений данной жанровой категории. К ним следует отнести повествовательную форму, наличие сюжета (или его элементов), свободную трактовку исторических событий с сохранением ключевых реалий, присутствие устойчивых мотивов, корреляцию ментально-психологических особенностей местной культуры и позиции рассказчика.

Рассмотрим фабульную основу и сюжетно-композиционные функции фольклорных претекстов, использованных В. Г. Короленко в уральских очерках.

Исторические предания в повествовательной структуре цикла «У казаков» представлены с разной степенью фабульной детализации: от значительных по объему отрывков (цитат) до эскизно намеченных мотивов и отдельных символических деталей. Их основная функция — служить строительным материалом для наррации, обеспечивая содержательность и познавательность текста, что имеет особое значение для литературы нон-фикшн. Пластичная жанровая форма путевого очерка позволяет автору не заботиться в строгом смысле слова о конструкции сюжета. Как правило, он складывается спонтанно, под влиянием полученных впечатлений, и задача очеркиста заключается в том, чтобы выявить в информационном разнообразии ключевые элементы, способные стать источниками социальных или нравственных коллизий, ярких образов, катализаторами самого повествовательного движения.

Открыв для себя уникальное фольклорное наследие уральских казаков, почти неизвестное образованной российской публике того времени, В. Г. Короленко стремился с максимальной полнотой представить в очерках наиболее заметные образцы их устного творчества, вписав таким образом народную культуру Приуралья в общенациональный культурный континуум империи¹. Однако использование значительного объема претекстов создавало опасность фрагментации единой повествовательной ткани, поэтому писатель объединяет предания в тематические группы, сохраняя установку на циклизацию, заложенную в самой устной исторической прозе [Левинтон, 1988, с. 333].

Тематика исторических преданий, создававшихся на Урале, была тесным образом связана с отстаиванием общиной ее исконных прав, основанных на принципах свободы и относительной автономности от метрополии. На практике это выражалось в периодических вспышках борьбы с административным давлением официального Петербурга, пытавшегося превратить казачью вольницу в часть общероссийского регулярного войска (общинники называли навязываемый уклад «ненавистным регулированием»). С позиций государственной целесообразности стремление

¹ В. Г. Короленко на протяжении всей творческой жизни занимался собиранием устного народного творчества и профессионально разбирался в эстетической и научной ценности обнаруженного материала. О трепетном отношении к образцам подлинной народной поэзии свидетельствует одно из писем литератора к жене, отправленное из Уральска, где он рассуждает о предпочтительном формате публикации собранных сведений, обеспечивающем доступ к ним широкого круга читателей (Владимир Короленко. Собрание сочинений. Т. 10. 1956. С. 314).

самодержавной власти упразднить казачьи вольности имело под собой достаточно веские основания. Но принципы так называемого «казачьего права», базирующиеся на идее «избранности», мифологизировавшейся в сознании общинников, ставили отстаивание этих самых прав в один ряд с проблемой национальной и культурной идентичности [Фолимонов, 2014, с. 50]. Отсюда проистекает социально-политическая напряженность общественной жизни уральцев и, как следствие, ее эстетизация средствами устного народного творчества. В результате складывается устойчивая закономерность: всплеск творческой активности коррелирует с периодами активизации народного движения.

Особо выделяется линия поведения казаков в отстаивании свободы и равноправия, добытых многими поколениями их предков в кровопролитной борьбе. Она высвечивает своеобразную черту казачьей психологии, которую В. Г. Короленко очень образно и точно называет «степным верноподданством». В четвертом очерке он формулирует смысловое содержание этого этнопсихологического феномена: *«Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлеченность. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы ...»* (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Идеализация фигуры царя и соотнесение ее с персонажами социально-утопических легенд, где сакральная ипостась наместника Отца Небесного на земле выступала гарантом обретения в мире дольнем духовной и социальной гармонии, создавали фантастическую картину мира, не соответствующую реальному положению вещей. Возникший вследствие всего этого когнитивный диссонанс оказался главной пружиной стратегии свободолюбивого Уральского войска: демонстративное неповиновение законным распоряжениям властей чередовалось с показным выражением гражданской покорности. Политика «степного верноподданства» ощущалась казачеством как безальтернативный способ сохранения культурной идентичности в условиях господствующего авторитаризма. Между тем на практике выбранная стратегия не только не предотвращала прямых столкновений с властью, приводивших к роковым последствиям, но и провоцировала (зачастую искусственно) конфликтные положения.

Поскольку исторические предания сконцентрированы лишь на самых драматичных моментах противостояния, продолжительная история казачьих бунтов требовала определенной художественной реконструкции, в связи с чем автор обращается к архивным документам и свидетельствам очевидцев, дополняя ими фольклоризировавшуюся информа-

цию². Такой подход к работе с фольклорными текстами давал возможность обнаружить сюжетно-композиционный потенциал темы, уловить перспективы ее развития в очерковом цикле и будущем романе. Кроме того, преодоление фабульной фрагментарности (естественной для устной прозы) обеспечивало цельность картины сложного исторического процесса и оказывало влияние на качество читательского восприятия.

Символическим центром группы рассказов, освещающих бунтарские выступления уральцев, В. Г. Короленко посчитал предание «Кочкин пир» и включил его в четвертый очерк. Такое композиционное решение не случайно. Оно является результатом многочисленных наблюдений, сделанных во время общения с казаками-информантами. Статус претекста-доминанты отражается уже в построении заголовка, где обозначены ключевые эпизоды повествования. «Кочкин пир» выступает кульминационным центром, знаком борьбы за общинные права и стойкости казачьей натуры. Все остальные предания, упоминаемые в четвертой главе, лишь демонстрируют угасание былого героического духа.

Источником популярного среди уральцев произведения, название которого символизировалось и вошло в казачий пословичный фонд, стали рукописи уральского патриота, историка и писателя И. И. Железнова, обнаруженные В. Г. Короленко в войсковом архиве. Очевидно, что находка заинтересовала очеркиста. Об этом свидетельствуют записные книжки, где сохранились подробные выписки. Сравнительный анализ конспектов, черновых набросков и окончательного варианта «У казаков» дает возможность проследить движение творческой мысли автора, понять принципы поиска того или иного стилизованного решения.

Основная проблема, стоявшая перед прозаиком, — определение целесообразного с художественной точки зрения объема заимствований и характера трансформаций инотекстов. Литературная практика выработала два эффективных приема решения такой задачи: лаконизация претекстов и близкий к первоисточнику пересказ или дословное цитирование.

Строгий лаконизм помогает наглядно передавать степень символизации устного произведения в фольклорном сознании и открывает возможности для наблюдений над особенностями менталитета и чертами национальной психологии. Вместе с тем он приводит к утрате значительной доли

² Следует заметить также, что и с самими преданиями очеркисту часто приходилось знакомиться не в их живом бытовании, а по вторичным источникам, где аутентичное произведение народной фантазии было подвергнуто литературной обработке. В целом это не снижало ценности находок, поскольку местными собирателями сохранялись центральные мотивы, образы главных героев и, главное, — *дух народности* [Коротин, 1999б, с. 16]. А акценты и авторское отношение к содержанию нивелировались В. Г. Короленко путем тщательного анализа всех доступных источников.

местного колорита. Например, в черновом варианте «У казаков» мы найдем меткую казацкую афористику, передающую ритмику и мелодику народной речи: «Понимаем, понимаем, батюшка, — говорили втихомолку несогласные, — что на устах-то у тебя медок, да в душе-то ледок!.. Видим, видим, батюшка, твой лисий хвост, да не скрылся от нас и волчий твой зуб!..» (Архив Короленко. С. 5). В окончательный текст поговорки не вошли.

Короленковед Н. М. Щербанов пытался объяснить авторскую редактуру стремлением **адаптировать текст для массового читателя** [Щербанов, 1976, с. 52–53]. Безусловно, опасения перенасытить повествование этнографическими реалиями могли иметь место, ведь излишний этнографизм воспринимался в литературной среде как стилистический недостаток, снижающий эстетическую ценность произведения. Однако богатое очерковое наследие В. Г. Короленко содержит немало фактов включения подобного рода аутентичного материала (в том числе якутского, украинского, еврейского), не подвергавшегося олитературиванию. Думается, логичнее предположить, что писатель руководствовался комплексом творческих задач жанрово-композиционного и изобразительно-выразительного плана. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, отказаться от излишней детализации заимствований потребовала сюжетно-композиционная схема путевого цикла о Приуралье, рассматривавшаяся в качестве творческой лаборатории будущего исторического романа: развернутый пересказ или цитирование затрудняли реализацию замысла. Отсюда существенная переработка исторических преданий с сохранением лишь фабульного ядра. Во-вторых, выбор в пользу сжатого варианта объясняется необходимостью встроить фольклорный претекст в эпизоды реальных путевых встреч с целью моделирования среды естественного обращения устного творчества. К тому же отказ от некоторых деталей делал заимствованный элемент более пластичным в плане продуцирования контекстуальных смысловых связей.

Воспоминания о перипетиях «Кочкиного пира» всплывают в разговоре В. Г. Короленко с жителями Трекиных хуторов. Функции рассказчика и слушателей в диалоге выстроены таким образом, что автор-повествователь проецирует рассказываемую им историю (на то, что она излагается автором, указывает специальная ремарка, обозначающая границы фольклорного претекста) крупной вспышки народного гнева на своих коммуникантов — потенциальных участников подобных событий. При этом возникает иллюзия перераспределения коммуникативных ролей: предание начинает излагаться как бы от лица станичников. Эффект подкрепляется внешними атрибутами общения, типичными для интеракций такого рода: очеркист описывает основные этапы разговора, пси-

психологические сложности установления контакта с носителями народной культуры, спонтанность зарождения и развития основной темы, возникшей в беседе из-за ошибки старого казака, в слабеющей памяти которого смешались черты Емельяна Пугачева и князя Волконского.

В. Г. Короленко намеренно сфокусировал внимание на последнем обстоятельстве. Метод соотнесения отдаленных во времени и современных событий активно применялся им на этапе подготовки к написанию романа «Набеглый царь». Сопоставительный анализ продемонстрировал читателю предсказуемость казачьего мышления в том, что касалось исходных для уральцев мифологем, в частности, мифологемы о царе-избавителе: допустив фактическую ошибку, станичник тем не менее верно уловил подоплеку рассказанного.

Несмотря на то что предание «Кочкин пир» представлено тезисно, в нем отчетливо выделяются основные сюжетные компоненты:

- экспозиция (предыстория акта неповиновения, основанная на исторических фактах: попытка введения на Урале «чередовой» службы, волнения в войске, отказ направить полк в Грузию);
- завязка (первый приезд оренбургского губернатора князя Волконского с тайной миссией);
- развитие действия (второй приезд с солдатами и башкирами);
- кульминация (стояние на морозе «за башней»);
- развязка (массовое избиение казаков под предводительством майора Кочкина).

Главный герой «Кочкиного пира» — князь Волконский. Его образ проработан писателем в мельчайших психологических деталях. Будучи человеком государственным, губернатор понимал, что действовать в сложившейся ситуации прямолинейно нельзя. Поэтому он на первом этапе «операции» пытается играть роль демократичного политика, искренне интересующегося положением простого народа. Использованная чиновником маска призвана была до определенной степени имитировать священную для казаков мифологему царя-избавителя (в том числе поэтому в народной памяти много лет спустя произошла подмена образа Пугачева на Волконского). В архиве В. Г. Короленко сохранились черновые наброски этого фрагмента. Они содержат избыточную подробностями и психологическими нюансами характеристику поведения князя. Кроме того, в черновом конспекте писателю удалось выразительно передать чувства казаков к вероломному гостю: *«Приезжает из Оренбурга князь Волконский, чтобы разузнать все на месте, вглядывается во все. Принимает на себя замашки суворовские, притворяется простачком, ходит по домам, заводит беседы с казаками, с бабами толкует об их жи-*

тье-бытье, как юродивый, собирает вокруг себя толпы ребятишек, оделяет их пряниками, орехами, медными деньгами, выходит с ними за город в поле, потешается с ними, выливает из нор сусликов, гоняется за земляными тушканчиками, — словом, „накладывает на себя”, по выражению казаков, блажь...» (Архив В. Г. Короленко. С. 4). В окончательном варианте характеристика сократилась более чем в два раза: *«Сначала он <Волконский> „принял на себя суворовские замашки”, притворился простачком, ходил по домам и толковал с бабами об их житье-бытье, а с ребятами выходил потешиться в поле, выливать земляных тушканчиков...»* (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 162).

Отказ от деталей, рисующих яркую и динамичную картину губернаторского визита и стилистически достоверно передающих специфику устного повествования, рассчитанного на непосредственное восприятие аудитории, позволил сосредоточиться на главном — стратегии Волконского и ее оценке. Лаконизм изложения стилистически мотивировал введение емких афористичных формул, соединяющих взгляды автора и простого народа и в то же время обладающих высокой степенью художественной точности. Две из них («суворовские замашки» и «генеральская блажь») выполняют функцию семантического центра завязки. Эффект «двухголосия» превращает короткие словосочетания в многогранные запоминающиеся образы, одновременно литературные (подчеркнутая логичность и реминисцентность) и фольклорные (сохранение оттенка ироничной настороженности как проявление казачьей психологии).

Поскольку этнопсихологическая сторона социального и коммуникативного поведения казаков интересовала В. Г. Короленко в первую очередь, в его интерпретациях большую роль играют экстралингвистические средства, высвечивающие скрытые мотивы поступков и интенции участников интеракции. Наиболее зримо они проявляются в диалогах уральцев с князем. Главным маркером иносказательности в них служит лицемерно-ироничный тон. Именно он открывает путь к подтексту: между собеседниками нет искренности, в каждой реплике чувствуется недоверие, настороженность и даже враждебность. Демонстрируемое общинниками показное смирение (на него указывает интонационная палитра, замкнутая в рамках микрожанров просьбы, ласкового увещевания) лишь маскирует истинные намерения бунтовщиков. Их цель — обмануть противника, олицетворяющего собой государственную власть, хотя бы на время усыпить его бдительность.

Экстралингвистическая составляющая межличностного общения объясняет специфичность группового коммуникативного поведения в пограничных ситуациях, когда до открытого конфликта с оружием

в руках остается один шаг. Моделирование описанных условий было важно для В.Г. Короленко. Оно приближало к пониманию феномена «русского бунта» (на этом строилась концепция исторического романа «Набеглый царь»). Столкновение двух начал — законопослушности и свободолюбия — порождало так называемое «пассивное упорство», не дающее выхода стихийным силам и, как результат, аккумулирующее негативную энергию внутри народных масс. Модель поведения, показанная писателем, позволяет представить социально-психологическую атмосферу предпугачевских времен и предположить, в какой момент грань между пассивным упорством и русским бунтом, бессмысленным и беспощадным, может быть пройдена.

Мотив борьбы за права казачьей вольницы продолжает развиваться в предании «Об уходцах». Основой для него послужил очередной акт гражданского неповиновения, спровоцированный армейской реформой 1874 г.³ Сюжетное ядро передано очеркистом в форме короткой исторической справки, в которой расставлены смысловые акценты, детерминирующие его дальнейшее развертывание: «... генерал Крыжановский, — пишет В.Г. Короленко, — перед какой-то новой частичной реформой, вздумал вперед заручиться покорностью казаков и потребовал, чтобы казаки дали подписку: мы — дескать, такие-то, обязуемся повиноваться верховной власти. Ничего больше. Но эта нелепая беспредметная подписка взбудоражила все войско. К чему? Что значит? На какой предмет?.. Сразу встала старая подозрительность и пассивная крамола...» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Наиболее полную реконструкцию картины произошедшего, подтвержденную архивными данными и воспоминаниями очевидцев, удалось осуществить уральскому краеведу А. Б. Карпову. Стереотипность ситуаций и поведенческих реакций он объясняет негативным историческим опытом общинников: «Они знали, помнили только одно, что каждая реформа, что каждый новый „штат“ отнимал у них их старину, их самоуправление, накладывал на них все новые и новые обязанности» [Карпов, 1992, с. 78].

Взаимосвязь отдаленных друг от друга событий хорошо осознавалась не только исследователями истории Приуралья, но и самими уральцами, поэтому мотив борьбы с «регулярством» как приоритетная тема любой

³ Окончательное смысловое значение лексемы «уходцы» на Урале установилось не сразу. Изначально под «уходцами» понимали казачьих ходоков-правдоискателей, обращавшихся от имени войска с письменными жалобами к царю. Однако события 1874 г. трансформировали исходный смысл, придав слову статус символа, вербализующего один из архетипов казачьей картины мира.

беседы актуализировал воспроизведение в одном контексте одновременно того и другого произведения в строгой хронологической последовательности. На это указывает и многозначительная ремарка В. Г. Короленко: «Упоминание о Кочкином пире дало направление разговору» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Принцип переработки претекста «Об уходцах» отличается от предыдущего предания. Автор позволяет себе более подробное, развернутое изложение сюжета, не скупится на комментарии и детализацию. Изменение тактических установок формирования сюжетно-стилевой структуры в рамках одного эпизода объясняется разным статусом и, как следствие, композиционным функционалом задействованных преданий. «Кочкин пир» в качестве символа, первообраза выступает несущей конструкцией и катализатором смыслов по отношению к позднейшим текстам. Приходящая ему символичность во многом строится на временной дистанции, отделяющей рассказчиков от предмета речи. Предание же «Об уходцах» имеет закономерную тенденцию к расширению и обогащению мотивной структуры, так как его исполнители — реальные участники или свидетели акта неповиновения.

Наиболее развернута в фабульном отношении развязка предания «Об уходцах», повествующая не только о трагедии общины в целом, но и о личных драмах отдельных ее персонажей. Такая персонификация становится возможной и актуальной именно благодаря свидетельствам очевидцев, у каждого из которых собственный взгляд на произошедшее и, соответственно, свой эпизод в большой исторической драме. Стремясь передать полифонию свидетельских суждений, В. Г. Короленко предоставляет слово трем очевидцам, представляющим старое и молодое поколение и стоящим на разных ступенях социальной лестницы, отмечая при этом единодушие в оценке действий *сурьезного войска* у всех информантов.

Единство в оценке главного собирательного героя находит объяснение в механизмах формирования общественного мнения. Многочисленные мемораты об уходцах, имевшие хождение в казачьей среде, чаще всего подчиняются идеям, распространенным слухами и толками. Большое внимание им уделяет историк А. Б. Карпов. На основе собранных сведений он выделяет три основных мотива, истолковывающих очередную попытку введения «регулярщины»: отчуждение Урала (основного источника добычи биоресурсов и главного ценностного ориентира казаков), колонизация общинных земель за счет переселения крестьян из центральной части России, искоренение в Приуралье старообрядчества [Карпов, 1992, с. 78–79].

Как видим, все три мотива тесно связаны с опасностью утраты сакральной идеи вольности, с восприятием Приуралья в качестве «земли обетованной». Логика слухов и толков выстраивалась с опорой на известную дихотомию, разделявшую власть на царя и чиновников. Фигура монарха, являющегося в глазах казаков гарантом справедливого мироустройства, не подвергалась критике, поэтому, согласно доктрине «степного верноподданства», реформа могла быть только результатом заговора влиятельных лиц из царского окружения.

Потребность в авторитетных доказательствах побудила молву обратиться к старинной легенде, рассказывающей о получении казаками от царя Михаила Федоровича «владенной грамоты», которая легитимизировала их права на владение Яиком и прияикскими территориями, а также на автономность внутриобщинной жизни, предполагающую самостоятельное решение вопросов организации военной службы. Для усиления воздействия легенды на уральцев один из борцов за верность старинным идеалам Федор Стягов распространил «копии», якобы снятые им с хранящегося в Уральском войсковом архиве оригинала [Карпов, 1992, с. 79].

В развязке предания «Об уходцах» доминирует религиозный мотив, затрагивающий коренной вопрос духовной жизни старообрядческого Урала. Подтверждение находим в представленных здесь фабулатах, интерпретирующих поступки уходцев как мученичество, принимаемое за приверженность истинной вере.

Распространенность мотива «мученичества» неоднократно фиксировалась фольклористами, историками и краеведами в аутентичных текстах уральской устной поэзии и прозы. Например, В. Н. Витевский записал священные стихи, имевшие хождение среди уходцев первой волны: «*За наши земные сласти / Послал нам Господь злые власти; / Стали делать перемену, / Веры Христовой измену; / Лишимся, братие, земных сластей, / Станем против злых властей!.. / За веру Христову пострада- ти, / А своим детям путь показать*» (Владимир Витевский. 1878. С. 207).

Нельзя не заметить, что социальная проблематика в них полностью переведена в плоскость надмирную, а гражданский подвиг во имя общины подменяется подвигом духовным. Таким образом, доктрина «степного верноподданства» трансформируется в идею подвижничества во имя Христа, которого, как известно, каждый из уральцев обретал по-своему, в обход учения канонической церкви. Противостояние гражданской власти (изначальный мотив преданий, характеризующийся конкретикой и фактологичностью) заменяется поединком с мировым злом и превращается в отвлеченность.

Сложившуюся тенденцию заметил и писатель В. В. Крестовский. В 1890-х гг. он встречался с уходцами в форте Джулек (место их ссылки) и пытался облегчить их положение, но казаки, считавшие своим долгом пройти мученический путь до конца, принципиально отказались от покровительства. При этом они, по свидетельству литератора, не утратили на чужбине культурную самобытность и бытовой уклад. «Присущие казачеству консерватизм, неприятие нового, обостренное чувство товарищества, сплоченность...» позволили изгнанникам остаться верными сынами Яика Горыновича (Всеволод Крестовский. 1884)⁴.

В. Г. Короленко на страницах очерков также неоднократно возвращается к мысли, что любые проявления интеллектуальной или духовной деятельности казака так или иначе соотносятся с изначально заложенными принципами общинной формы существования, и ориентир этот никогда не меняется, направлен ли поиск на способы преодоления социальных противоречий (например, многочисленные попытки найти таинственное Беловодье) или на обретение тайной формулы благочестия, зашифрованной в библейской метафорике (среди казаков были очень популярны схоластические диспуты, пользовались большим уважением так называемые «начетчики»). Неуспокоенность казаков, их желание доискаться до истины — суть проявление духовных запросов простого народа, не причастного книжной культуре и привыкшего получать знания о мироустройстве самостоятельно.

В авторской интерпретации развязки предания «Об уходцах» слияние мотивов древнего благочестия и общинной солидарности показаны в образе девяностолетнего старика, решившего отправиться на чужбину вместе с изгнанниками. В его поведении преобладают типичные черты, характерные для героев легенд и житийной литературы: склонность к религиозному экстазу («*Во всю дорогу заливался, плакал!*»), преодоление физической немощи силой веры («*Оделся, посошок взял в руки и пошел себе за уходцами*»), восприятие мира через призму христианских идеалов, детская открытость и доверчивость («... *взял его брат на руки, как ребенка малого, посадил в телегу, айда назад*»). Общинный праведник у В. Г. Короленко олицетворяет прошлое уральского войска, выработавшего особый социально-психологический тип личности, ощущающей себя неотъемлемой частью локального казачьего мира и готовой разделить с ним любую судьбу: «*куда старое войско, туда ... и я ... Помру, говорит, со старым войском ...*» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 165).

⁴ Более детальный культурологический и фольклористический анализ духовной жизни уходцев в изгнании содержится в статье Е. И. Коротина [Коротин, 1981, с. 56–60].

Трагедия казачьего войска, выступившего против Положения 1874 г., глубоко запечатлелась в народной памяти. В фольклорном архиве Западно-Казахстанского государственного университета хранятся записи экспедиций 1960–1970-х гг., зафиксировавшие развитие в поэтическом сознании уральских казаков тему народных восстаний. Среди них имеются фабулаты, затрагивающие уходчество. Увеличение временной дистанции ослабило фабульный потенциал события, зато (как и в случае с «Кочкиным пиром») увеличило степень символизации. Отсюда интерес к теме со стороны песенных жанров.

Судя по архивным данным, наибольшее распространение получили песни «Как во 75-й год в заточенье был народ» и «Ой, вы любезные мои друзья-товарищи». В них вновь на первый план выдвигается идея войскового единства, а религиозный аспект страдания нивелируется. Хотя лирический сюжет и эмоциональный тон в песнях разные, их объединяет ключевая фраза, открыто выражающая протестное настроение: *«не желам мы подписаться»* [Коротин, 1999а, с. 191].

Интересно появление в первой из них образа генерала Бизянова, фигурирующего в рассказах и преданиях и выведенного В. Г. Короленко в четвертом очерке. В лирической ипостаси известного исторического лица явно прослеживается растерянность и неуверенность в себе. Генерал заискивает перед казаками, умоляет их пойти на компромисс, и в глазах «сурьезного войска» выглядит жалко: *«Наш Бизянов атаман / По станицам пробегал, / Нас братьями называл: / — Старички мои, уральцы, / Однокровица я ваш, — / Подпишите вы приказ!..»* [Коротин, 1999а, с. 191].

Совсем иным мы видим его в диалоге устного рассказа, вошедшего в очерковый цикл. В нем Бизянов ведет себя как настоящий командир, убежденный в незыблемости своих прав и военной дисциплины. Он требует у вызванного им для беседы казака Пахомова пресловутую подписку и даже не пытается расположить к себе подчиненного дружеской интонацией.

Вторая песня, утратившая исторические реалии, актуализировала мотив слез. Однако религиозно-экстатическая символика в нем отсутствует. Лирический герой плачет о потерянной воле и невозвратимом героическом прошлом Урала. Более того, в финале звучит нота безысходной печали и возникает образ смерти: *«А мы не желаем, братцы, только подписаться, / А мы ведь желаем, братцы, только закопаться!»* [Коротин, 1999а, с. 191]. В итоге отказ от подписки уже не выглядит вызовом власти. Он не более чем эхо былого богатства.

Этнопсихологические трансформации, отразившиеся в казачьем фольклоре, натолкнули В. Г. Короленко на мысль выделить эту проблему

в качестве сквозной сюжетной линии. С композиционной точки зрения прием очень удачный. Он, с одной стороны, концептуализировал размышления очеркиста о судьбе общины как таковой перед лицом надвигающейся цивилизации. С другой — насыщал повествование ярким, увлекательным материалом. Уловив цикличность в ряде записанных во время поездок по Приуралью нарративов, писатель поместил их во второй очерк, в котором реализуется микротема «господа наказные атаманы и обычай». Переключки новых фабулатов с рассмотренными историческими преданиями не оставляют сомнений в их генетической связи, но произведения, появившиеся на рубеже XIX–XX вв., уже не обладали прежним гражданским пафосом, они «изображают действительность в обыденных формах» [Зуева, 2001, с. 794], в них все отчетливее прослеживаются жанровые черты анекдота с элементами иронии и сатиры.

Несмотря на то что рассказчики проецируют образы чиновников нового времени на легендарные фигуры Волконского / Перовского, представляются они персонажами комичными. Наказной атаман, как правило, глупый солдафон, отличающийся гипертрофированной жаждой власти над подчиненными, высокомерием, демонстративным презрением к казачьим обычаям.

В первых двух нарративах (о замене плетней заборами и неудачном уходе за станичной девушкой-подростком) прототипом главного героя служит реальное историческое лицо — князь Г. С. Голицын, совмещавший одно время должности военного губернатора и наказного атамана. По соображениям писательской этики В. Г. Короленко сохраняет в очерках анонимность персонажа. Но невозможность пренебречь цензурными требованиями в данном случае дала возможность автору выйти за рамки отдельного факта, типизировать явление, заявить о негативном влиянии цивилизационного фактора на самобытность народной культуры.

О князе Г. С. Голицыне в записных книжках собраны довольно подробные сведения и даже сделаны эскизные наброски отдельных сцен с его участием, определен тип поведения атамана, выраженный глаголом «популярничал» (Владимир Короленко. Записные книжки (1880–1900). 1935. С. 395–396). В записях, посвященных художественной интерпретации устных рассказов, имеется также фрагмент современной народной песни, образно выражающей метаморфозу казачьего характера: «*От Гурьева и до Бакайки / Каз<ак> наш новый проскакал / И роль бесстр<унной> балал<айки> / Отлично всюду разыграл*» (там же, с. 396). По всей видимости, очеркист планировал использовать четверостишие во втором очерке.

Кульминацией в разработке темы «наказные атаманы и обычай» становится фабулат об атамане, грубо нарушившем традиции багренья, свя-

щенные для казаков. Несмотря на то что он основывается на современном событии, фольклорное сознание казаков улавливает в нем «характерную картину, напомнившую старые ящички времена» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 149).

Багренья — это одна из форм общественной жизни уральцев, актуализировавшая весь комплекс общинных прав и свобод. Организация рыбной ловли на заповедной реке превратилась в ритуал. Каждое действие обросло традициями, роль участников ловли строго регламентировалась. При этом на багренья царил дух демократизма, и социальная дифференциация на время утрачивала свою силу. Решение вопросов общинного рыболовства производилось исключительно на принципах парламентаризма, и зачастую формальная сторона дела оказывалась гораздо важнее того, что происходило на практике.

Конфликтная ситуация в нарративе о багренья тоже возникает по формальному поводу, но глубинные механизмы поведенческой реакции уральцев коренятся все в том же проявлении «степного верно-подданства». Катализатором социально-психологического напряжения становится авторитарный стиль общения наказного атамана, не пользовавшегося уважением в войске. Казаки воспринимают его как проявление «регулярщины».

Сатирическая направленность устного рассказа определяет расстановку действующих лиц. Она представляет собой типичную для подобных жанров бинарную оппозицию, укладывающуюся в схему «свой — чужой», «свобода — регулярщина», «самобытность — унификация» и др. Поскольку столкновение происходит не на межличностном, а на онтологическом уровне, персонажи изображаются типажированно, однолинейно. «Сурьезное войско» (образ собирательной личности) олицетворяет угнетенный народ, чьи законные права грубо попираются представителями официальной власти, чиновничество (атаман и саратовский губернатор) — беззаконие и волюнтаризм. Композиция произведения построена на резком контрасте: драматическое (с эпическими нотками) изображение происходящего охватывает большую часть повествования до кульминационной сцены окружения начальства разгневанными общинниками, а развязка — подчеркнута комична. Посрамление отрицательных персонажей в финале указывает на связь нарратива с традициями социально-бытовых и сатирических сказок. Об этом же, в частности, свидетельствуют преувеличенно комичные (фарсовые) положения, в которые попадают отрицательные герои: «Гость-то ... Саратовский... Кинулся поскорее к саням, пал кверху тормашками и кричит кучеру: — Гони в город. Нахлестывай!.. Ну их, дескать... Спасибо на угощении» и «Ата-

ман испужался, снял папаху, давай кланяться войску. — „Простите, господа войско. Я по новости ваших обычаев еще не узнал”» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 150–151).

Подведем итоги. Исторические предания и близкие к ним по жанровым признакам формы устной народной прозы выполняют в очерковом цикле «У казаков» важные сюжетно-композиционные функции. Они обеспечивают единство повествования, поддерживают развитие ключевых сюжетных линий, способствуют формированию пространственно-временного континуума. Кроме того, устные нарративы, введенные в художественную иносреду, стали частью общерусского интертекста, расширили представления читающей публики о локальных феноменах национальной культуры. Наконец, художественное осмысление уральского фольклорного материала позволило В. Г. Короленко приблизиться к созданию концепции исторического романа о Е. И. Пугачеве.

Библиографический список

Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

Зуева Т. В. Предание // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

Карпов А. Б. Памятник казачьей старины. Краткие очерки из истории казачьего войска. Уральск, 1992.

Коротин Е. И. Уральские казаки в Средней Азии // Вестник Кара-Калпакского филиала АН Узб. ССР. Нукус. 1981. № 3.

Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков : в 2-х ч. Ч. 1. Самара ; Уральск, 1999а.

Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков : в 2-х ч. Ч. 2. Самара ; Уральск, 1999б

Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Лазарев А. И. Предания уральских рабочих как художественное явление. Свердловск, 1970.

Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 2. М., 1988.

Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. М., 1977.

Соколова В. К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.

Фолимонов С. С. За тенью «набеглого царя». Из истории создания неоконченного романа В. Г. Короленко // Волга — XXI век. 2005. № 7–8.

Фолимонов С. С. «Особенный человеческий тип». (Русский национальный характер в осмыслении В. Г. Короленко) // Филология и человек. 2014. № 3.

Щербанов Н. М. В. Г. Короленко и фольклорно-этнографическое наследие И. И. Железнова // Фольклор Урала. Литература и фольклор. Свердловск, 1976.

Список источников

- Архив В. Г. Короленко. Отдел рукописей РГБ. Ф. 135. П. 12. Ед. хр. 651.
 Витевский В. Н. Раскол в уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и в XIX в. Казань, 1878.
 Короленко В. Г. Записные книжки (1880–1900). М., 1935.
 Короленко В. Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. СПб., 1914.
 Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1956.
 Крестовский В. В. Степное гнездо // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. № 62.

References

- Azbelev S. N. *Otnosheniye predaniya, legendy i skazki k deystvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov)*. [The relationship of tradition, legend and fairy tale to reality (from the point of view of differentiation of genres)]. In: *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'*. [Slavic folklore and historical reality.]. Moscow, 1965.
- Zuyeva T. V. *Predaniye*. [Tradition]. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001.
- Karpov A. B. *Pamyatnik kazach'yey stariny. Kratkiye ocherki iz istorii kazach'yego voyska*. [Monument to Cossack antiquity. Brief essays from the history of the Cossack army]. Ural'sk, 1992.
- Korotin Ye. I. *Ural'skiye kazaki v Sredney Azii*. [Ural Cossacks in Central Asia]. In: *Vestnik Kara-Kalpakskogo filiala Akademii Nauk Uzbekskoy SSR*. [Bulletin of the Kara-Kalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR]. Nukus. 1981. No. 3.
- Korotin Ye. I., Korotin O. Ye. *Ustnoye poeticheskoye tvorchestvo ural'skikh (yaitskikh) Kazakov*. [Oral poetic creativity of the Ural (Yaik) Cossacks]. Ch. 1. Samara; Ural'sk, 1999a.
- Korotin Ye. I., Korotin O. Ye. *Ustnoye poeticheskoye tvorchestvo ural'skikh (yaitskikh) Kazakov*. [Oral poetic creativity of the Ural (Yaik) Cossacks]. Ch. 2. Samara; Ural'sk, 1999b.
- Kruglyashova V. P. *Zhanry neskazochnoy prozy ural'skogo gornozavodskogo fol'klora*. [Genres of non-fairy tale prose of Ural mining folklore.]. Sverdlovsk, 1974.

Lazarev A. I. *Predaniya ural'skikh rabochikh kak khudozhestvennoye yavleniye*. [Legends of the Ural workers as an artistic phenomenon]. Sverdlovsk, 1970.

Levinton G. A. *Predaniya i mify*. [Traditions and myths]. In: *Mify narodov mira*. [Myths of the peoples of the world]. T. 2. Moscow, 1988.

Morokhin V. N. *Prozaicheskiye zhanry russkogo fol'klora*. [Prose genres of Russian folklore]. Moscow, 1977.

Sokolova V. K. *O nekotorykh tipakh istoricheskikh predaniy (k probleme zhanrovogo svoeobraziya)*. [On some types of historical legends (to the problem of genre originality)]. In: *Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov*. [History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples]. Moscow, 1968.

Folimonov S. S. *Za ten'yu "nabeglogo tsarya". Iz istorii sozdaniya neokonchennogo romana V. G. Korolenko*. [Behind the shadow of the "raiding king." From the history of the creation of the unfinished novel by V. G. Korolenko]. In: *Volga — XXI vek*. [Volga — XXI century]. 2005. No. 7–8.

Folimonov S. S. *"Osobennyy chelovecheskiy tip". (Russkiy natsional'nyy kharakter v osmyslenii V. G. Korolenko)*. ["A special human type." (Russian national character as understood by V. G. Korolenko)]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2014. No. 3.

Shcherbanov N. M. *V. G. Korolenko i fol'klorno-etnograficheskoye naslediyе I. I. Zheleznova*. [V. G. Korolenko and the folklore and ethnographic heritage of I. I. Zheleznova]. In: *Fol'klor Urala. Literatura i fol'klor*. [Folklore of the Urals. Literature and folklore]. Sverdlovsk, 1976.

List of sources

Arkhiv V. G. Korolenko. Otdel rukopisey RGB. [Arkhiv V. G. Korolenko. Otdel rukopisey RGB], F. 135. P. 12. Yed. khr. 651.

Vitevskiy V. N. *Raskol v ural'skom voyske i otnosheniye k nemu dukhovnoy i voyenno-grazhdanskoy vlasti v kontse XVIII i v XIX v.* [The split in the Ural army and the attitude of the spiritual and military-civil authorities towards it at the end of the 18th and 19th centuries]. Kazan', 1878.

Korolenko V. G. *Zapisnyye knizhki (1880–1900)*. [Notebooks (1880–1900)]. Moscow, 1935.

Korolenko V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy*. [Complete works]. T. 6. St. Petersburg 1914.

Korolenko V. G. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. T. 10. Moscow, 1956.

Krestovskiy V. V. *Stepnoye gnezdo*. [Steppe nest]. In: *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti*. [St. Petersburg Gazette]. 1884. No. 62.